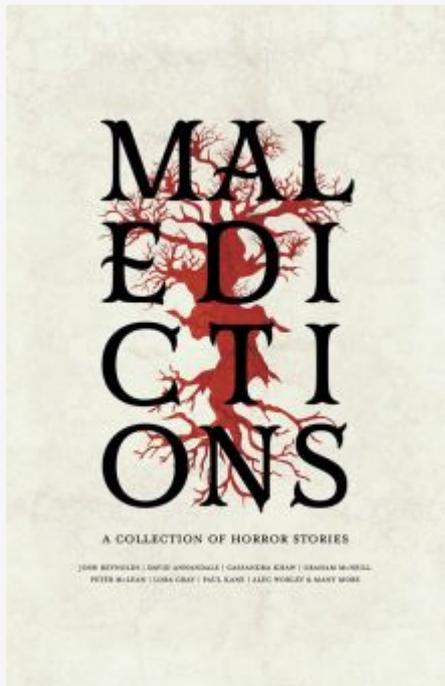

Непента / Nerenthe (рассказ)

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

Непента / Nerenthe (рассказ)

Автор	Кассандра Хой / Cassandra Khaw
Переводчик	Brenner
Издательство	Black Library
Серия книг	Warhammer Horror
Входит в сборник	Проклятия / Maledictions
Год издания	2019
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Скачать	EPUB , FB2 , MOBI
Поддержать проект	

В варпе лишь мертвые могут видеть сны.

- Не лучшая твоя работа.

Марк бросает взгляд на брата. Его глаза прикрыты накладками, третичные оптические системы

покрывают катаракты новых экранов. От них у него до сих пор болит голова. Вселенная отображается в виде сот, изображение в высоком разрешении параллактически смещено бесконечными математическими операциями, прокручивающимися и уходящими в базу хранения.

Данные. Постоянно все больше данных. Постоянно, постоянно. Их передадут следующему поколению и поколению за ним, сохранив в цифро-буквенных иероглифах и машинных гимнах. Но что же их вместилища? Их пастыри? Ничего, кроме заменяемых электронных схем, анонимизированных и безымянных, значимость которых не превышает исполняемых ими функций. О, как же это ненавистно Марку.

- Нож подходит к ритуалу, - раздается переливистый, мальчишеский тенор Корнелия, выдергивая Марка из меланхолии.

Марк пожимает плечами, наблюдая, как брат счищает кожу со своего лица, аккуратно все документируя. Из них двоих Корнелий всегда обладал более сноровистой хваткой, более твердой рукой.

- Я не понимаю, почему это вообще необходимо, - вздыхает Марк. - Кожа пористая. Существует технология микроволокна. Я... Корнелий, просто это настолько *неэффективно*.

- Ритуал, Марк. - Сам Омниссия не превзойдет твердостью выдержку брата. - Дело в ритуале.

- Трата времени. Нам следовало бы готовиться к «Непенте»... - когда это название расплетается на языке, по нему пробегает дрожь. То, что говорили об этом корабле; о том, что происходит в его чреве; о том, что делалось внутри, что делалось *с ним*. - ...к прибытию «Непенты». Нам следовало бы проводить исследования. Нам следовало бы заниматься чем-то *полезным*.

- Мы сделали все, что от нас требовалось сделать. Мы ведь здесь, не так ли? Если бы мы потерпели неудачу, Велес не проявил бы к нам такой милости. Мы бы так и находились в недрах корабля, надрываясь над мелочами.

«*Это еще не изменилось*», - кисло думает Марк. Они все еще гниют в чреве своего звездолета, направленные в самую мелкую из лабораторий, так и пребывая в забвении. Марк разминает руки, отмечает комкование жидкостей в запястьях и уже не в первый раз чувствует, что стал стариком.

Ему лгали. Ему говорили, что в машине можно найти вечность, но там не было ничего. Ничего, кроме ржавчины, гнили и гибели. Однако «Непента» могла бы изменить все.

- Хотел бы я знать, так же ли она прекрасна в реальной жизни, - вздыхает Корнелий. Его щеки покраснели от жары. В лаборатории поддерживается невыносимая влажность ради его изысканий - он специализируется на микрофауне, дополняя область компетенции Марка, замороженного монолитами.

- Если ее действительно создали в Темную Эру Технологий, то сомневаюсь. Идея всего была еще так внове для человечества. У них не было бы времени сделать ее прекрасной. - Марк встает, неожиданно расвирепев. Что-то в романтизме брата уязвляет его. Он поочередно разминает плечи, а затем сгибает матрицу протезов, гребнем выступающую в области поясницы. Демонстрация угрозы, как ему кажется. - И ты слишком много ожидаешь от того, что скорее всего окажется мертвой мерзостью.

- В твоём сердце нет поэзии, - давно отработанный вздох, провоцирующий раздражение.

- У меня несколько сердец, - парирует Марк. - Уверен, в каком-то из них поэзия есть.

Брат не отвечает ему, лишь ухмыляется, а затем прилаживает респиратор поверх обнаженного черепа.

- Ты знаешь, что если магос узнает, нас заклеят предателями, еретиками. Обратного пути нет, - шепчет Корнелий невнятным голосом. Марк мысленно представляет, как под маской уже начинает метаморфоза: гортань и двигательные нервы, носовые пазухи и зрительный аппарат, слуховая функция - все поочередно подвергается проверке и исправлению, при необходимости вскрывается и изменяется. Библиотека эвристических алгоритмов оптимизирует предстоящую передачу данных к мозгу.

- Мы просто исполняем свой долг. Мы идентифицировали возможную угрозу. Мы направляемся устранить ее.

Знакомый менуэт аргументов и противовесов, повторенный столько раз, что ритуал превратился в рефлекс.

- Я уверен, никто не может поставить нам в вину то, что мы хотели дождаться уверенности в легитимности наших притязаний.

Брат молчит.

- А если мы правы, оставишь ли ты ее одну во тьме еще на тысячу лет? Она звала нас. Она умоляла нас. Спусти столько времени, когда мы подобралась так близко, ты обратишься в бегство и бросишь ее?

В шесть длинных шагов он пересекает лабораторию и подходит к своему брату Корнелию. Тот моложе и гораздо выше. Конечности как у марионетки и грудная клетка соединяют сходящиеся торсы, один из которых органический, а другой - полностью синтетический. Он хлопает брата рукой по плечу.

- Возможно, мы ничего не найдем. Это так. - Голос Марка понижается до шепота. - Но также возможно и то, что мы найдем ее живой на этом корабле. Ожидающей. Нашу собственную мадонну из мяса и механизмов. И способен ли ты вообразить, брат, какие тайны мы сможем добыть из ее костей?

Огромная тень магоса Велеса Корвинуса стелется за ним, как края его бордового плаща. Его подчиненные наблюдают. Их механизмы издают симфонию из ритмичного *щелк-щелк-щелк* движущихся частей. Телеметрические устройства протоколируют настроение магоса. За годы они приучились следить за его эмоциональными состояниями.

- Здесь ничего нет, - шипит его голос. Респиратор преобразует звук в нечто чудовищное, диафрагмы зрачков раскрываются: внимание сосредоточено на лице Корнелия.

По крайней мере, так сообщают пиктеры Корнелия. Сам он не уверен. Хотя новая реальность и трансцендентна, от нее кружится голова. Лимбическая система все еще не убеждена в пользе недавно нанесенных увечий. Нейронные схемы бунтуют против этой темноты - негативного пространства на том месте, где в преддверии неокортекса когда-то заправляли хеморецепторы, описывавшие мир электрическим стаккато. Ныне они освобождены от работы, сделаны избыточными посредством технологии, и мозг, пусть это и всего лишь складки съездившейся ткани, этому не рад.

- Это наши наиболее приближенные оценки. Временной континуум едва ли является нормой в имматериуме. Кроме того, корабль...

- Довольно.

Корнелий умолкает.

- Принимая во внимание погрешности, каков ваш текущий прогноз?

- Согласно записям, «Непента» находилась в пути, - Корнелий вызывает свои записи: образы, насыщенные таблицами с данными. Математические теоремы выписывают пируэты среди вероятностей, пока Корнелий сверяется со звездными картами и натриевыми иероглифами расшифровок «черных ящиков». Фоном ко всему этому его зовет ее рассеянная в пространстве песнь. - Со времен Темной Эры Технологий.

- Не будет ли более разумно привлечь к этому внимание Адептус Астартес? Рота Ультрадесанта находится на мире-улье, отдаленном всего на одну солнечную систему. Им не понадобится много времени.

Вмешавшийся голос звучит тихо и почтительно, но только идиот вроде Велеса может принимать подобные льстивые напевы за искренность.

«Опять этот проклятый машинный провидец», - думает Корнелий, резко отрываясь от своих расчетов. Именно из-за него они упустили прошлое окно возможностей. И еще одно перед ним. Уже десять лет Люпус Агеласт оказывал им сопротивление в каждый ключевой момент, используя как оружие протоколы и законы. Здравомыслие труса. Если бы не алчность самого Велеса, эту миссию зарубили бы на корню.

И все же...

- У нас нет времени, - произносит в ответ Корнелий и запускает макрос для регулировки выработки кортизона. Он не злится, *пока что*, однако необходимо принять меры предосторожности. Инстинктивно действующий мозг лишается веры, подчиняясь лишь заложенной в него программе, и по прошествии стольких лет нужно совсем немного, чтобы сорваться. Подобная ошибка ударит по махинациям братьев сильнее, чем все, что мог бы сделать Люпус. Так что Корнелий делает вдох. Делает выдох. Сохраняет интервал и закидывает его, ограничивая им респираторные функции. - По словам лексмехаников, у нас есть в лучшем случае шестнадцать часов. Еще меньше, если учесть внутреннюю нестабильность варпа. Магос, прошу вас. Судите согласно логике. Игнорируйте вмешательство Агеласта. Если мы будем дожидаться Адептус Астартес, то рискуем потерять корабль...

- Космический скиталец. Генетор, мне хотелось бы, чтобы вы перестали игнорировать то обстоятельство, что это брошенная пустышка, сотни лет дрейфовавшая в варпе. Для таких вещей существует специальный термин. Они называются *космическими скитальцами*, и практика показывает, что...

- Корабль полностью работоспособен.

- Как и многие космические скитальцы, судя по рапортам.

- А чего хотите вы, Агеласт? - Корнелий поворачивается к оппоненту, стиснув зубы. Лучшие планы на свете, ну конечно. Мясо всегда найдет себе лазейку. - Нам больше не представится такой возможности. Это ясно по параболе траектории «Непенты». Если не воспользуемся шансом сейчас, то уже не увидим корабля при жизни. Прежде чем он снова войдет в реальное пространство, пройдут тысячелетия, и к тому моменту от нас останутся лишь ошметки.

Взгляд машинного провидца безмятежен.

- По крайней мере, от вас.

Как же Корнелий его ненавидит. Приземистый, вечно закутанный в слишком длинное для него красное одеяние, механодендриты сделаны небрежно, без малейшего намека на эстетику. Никаких амбиций. Ничего, кроме голого формализма биологических функций. Люпус - это трата ресурсов, нереализованный потенциал. Всего лишь шестеренка. Однако сгусток крови может задушить даже самый острый ум. Вот и здесь узелок бесполезной массы готов был стать причиной смерти.

- Магос, выбор полностью за вами, - Корнелий склоняет голову в сторону Велеса. - Если вы настаиваете, чтобы мы отступились...

- Нет.

- Вы же не можете говорить всерьез, - ощетиливается Люпус. - Магос, будьте благоразумны. Я понимаю, что вы желаете признания для нашего флота эксплораторов. Но вы, разумеется, понимаете абсурдность ситуации. То, что предлагает Корнелий - вы же не можете всерьез рассматривать эту катастрофу.

- Ваши возражения будут приняты во внимание, машинный провидец Агеласт. Если желаете подать формальную жалобу, предлагаю вам следовать соответствующему протоколу. - Тембр голоса Велеса совершенно не скрывает пренебрежения, и Корнелий едва удерживается от смеха. - Это не ваша юрисдикция, *машинный провидец*. Если вы так хотите избежать возможных последствий ваших пророчеств, то вам, возможно, следует потратить следующие несколько часов на оценку состояния нашего оборудования.

- Магос...

Пальцы Корнелия раздваиваются и складываются в призму из проволоки и разжиженной кремний-органики.

- Магос, - эхом повторяет он, прибавив интонации окраски. Примирительность, даже сочувствие к заклятому врагу. Как он усвоил, чтобы выжить, необходимо мастерски владеть политикой, сколь бы неприятный привкус та не имела. - Я полагаю...

Ему не дают закончить.

- Вы оба. Тихо.

Велес сжимает переносицу пальцами перчатки.

- Магос, - шипит Корнелий.

- Магос, - отзывается Люпус.

Велес никак сразу не показывает, что подтверждает слова кого-то из них. Периферией чувств Корнелий видит, что мостик пустеет. Никому не хочется попасть под руку. Только когда в помещении стихают все разговоры, и остается лишь гул навигационных когитаторов, Велес распрямляется, опуская руку к боку.

- Целью эксплораторов всегда было познание неизвестного. Там, где иные оступаются, мы пробиваемся вперед. Мы не можем отказаться от подобной возможности. Это противоречит нашей сути.

- Магос, я понимаю это. Но Ультрадесантникам не понадобится много...

- Они разрушат все до основания, - вмешивается Корнелий. Он не в силах сдержаться от чистого ужаса.

- Им не будет важно, если на корабле не окажется врагов, или даже если на нем есть экипаж живых техножрецов, сохраненных дланью Омниссии. Они его уничтожат.

«И ее», - думает он на долю мгновения.

- Прискорбная возможность, - парирует Люпус, делая шаг вперед. - Однако в обратном случае весь этот корабль будет подвергнут риску.

- Проклятье, разве не в этом суть? - рявкает в ответ Корнелий. - Все предназначение Культа Механикус? Восстанавливать и сохранять знания? Сейчас у нас есть возможность изучить нечто - нечто такое, к чему никто не прикасался столетиями. Мы не можем бояться. Плоть - это всего лишь носитель. Если мы должны умереть во имя дела, да будет так.

- Ваш пыл... - громада тела Велеса подается к ближайшей панели. Несмотря на размеры, его пальцы искусны. На оживших мониторах возникает целый мир расчетов, и при виде их у Корнелия перехватывает голос. Мысли дергаются скачками от удовольствия. Велес слушал. И что еще более важно, они его заполучили. - ...всегда создавал вам с братом проблемы, не так ли?

- Это было необходимо, магос. - Он едва заметно склоняет голову. - Мы выросли на мире-кузнице. От наших родителей не было толку, но мы всегда знали, что должны стать чем-то большим, нежели скотом на бойне. Мы трудились без усталости, чтобы нас заметили, и за свою прилежность были вознаграждены вниманием Адептус Механикус.

Не вполне правда. Но и не совсем неверно.

Корнелий пересказывает историю, словно опытный священник. Мышечная память сглаживает рассказ, превращая его в безупречную истину. На середине Люпус громко выдыхает, чтобы создать паузу.

- Мы все это уже слышали. Нет нужды возвращаться к этому еще раз. Магос, есть ли в этом *суть*? Или вы хотите, чтобы мы так раз за разом и слушали, как этот хвостун повторяет свою историю?

Велес отмахивается от возражения.

- Я не просил прерывать. А что касается тебя, Корнелий... Он ведь прав, знаешь ли. В твоих речах нет смысла. Не все подряд является поводом излагать свою историю. Достаточно было бы более краткого ответа. Как бы то ни было, я принял решение. Когда «Непента» вернется в реальное пространство, туда будет направлена абордажная команда. Ее возглавишь ты, Агеласт и твой брат.

Корнелий бросает взгляд на Люпуса, переключая пиктеры на микромир его лица. Однако если это заявление и злит машинного провидца, или как-либо его огорчает, по лицу этого не сказать.

- Как вам будет угодно, магос, - произносит Агеласт.

- Хорошо. - Велес рубит по воздуху ладонью. - Как мне видится, вам понадобится по меньшей мере четыре манипулы боевых сервиторов. Берите все, что нужно.

Раздается сирена, которой вторят темно-красные огни. Вопреки ожиданиям, «Непента» появляется раньше, входя в мир, словно чудо. Словно предупреждение о грядущем.

- Если это и не космический скиталец, - признается брату Корнелий, - то очень на него похоже.

Марк не отвечает, его нервирует расходящаяся по позвоночнику тревожная дрожь. Размеры корабля превышают первоначальные оценки. По своим пропорциям он ближе не к простому крейсеру, а к боевой барже. Он считал, что они составили полную карту корабля, но здесь столько неучтенного пространства - бастионы и пролеты, не попавшие на изображения. Как же они могли так ошибиться?

А что, если это не их неудача? Что, если нечто - нечто живое и разумное - мешало их исследованиям? Изменяло отчеты о структуре? На мгновение техножреца охватывает порыв отменить миссию, сообщить, что операция под угрозой, но здесь вариантов быть не может. Это будет означать лоботомию и официальное рабство до тех пор, пока не откажут сгнившие мышцы.

Он бросает взгляд на приданных им сервиторов. Их тела бездействуют, безвольно висят в обвязках, опущенных с потолка челнока. «Совсем как мясо», - думает Марк. Трупы, покачивающиеся на крюках мясника.

- Ты когда-нибудь... - начинает Марк. Каждое слово дается ему медленно и с трудом. - ...думал, каково быть одним из них?

- В наши дни процесс лейкоцитозации безболезнен. В прошлом врачи вводили орбитокласт сквозь кость в углу глазницы и делали надрез. - Корнелий постукивает по своей маске в месте, где сплавной панцирь изгибается в форме страдальчески приподнятой брови. - Теперь же это оперативная сверхстимуляция интерфейсной сети, по крайней мере в случае Адептус Механикус. Чрезвычайно гуманно.

- Это едва ли ответ на мой вопрос.

Корнелий опускает плечи.

- Нет. Но теория завораживает. Если быть до конца честным, мне кажется, что это может отчасти ощущаться как передышка. В конце концов, разум - это страх. Вместе с самосознанием приходит и понимание, что в итоге умрешь, что конец неизбежен. Вся наша биология поставлена на службу этому экзистенциальному ужасу. Все, что мы делаем, и все, чем мы являемся, вертится вокруг импульса предотвратить этот исход. На самом деле это весьма неэффективно. Посмотри на род *Tyranidae*. Они возложили бремя автономности на свои разумы ульев. И взгляни, чего они достигли.

- Вымирание бесчисленных солнечных систем. Целые галактики сожраны до основания, - Марк прикрывает лицо ладонью, снова выглядывая в смотровое окно. Снаружи, в хтонической бездне, плывет «Непента», не поддающаяся никакой классификации. Матовая обшивка, никаких иллюминаторов, никаких турелей - нет ничего, близкого к привычным атрибутам корабля. Она представляет собой прямоугольный кубоид, как будто кто-то вырезал корабль целиком из самой пустоты.

- Да, но это не личное. - Корнелий беспокойно встает и идет осмотреть сервиторов, пока Марк наблюдает, как «Непента» увеличивается в размерах, превращаясь из чего-то невероятного в неоспоримый факт. Вокруг ее обсидианового массива кружат зонды, похожие на магниевые капельки, которые каким-то образом не отражаются в маслянистых глубинах поверхности. Марк сводит воедино их передачи. До сих пор нет никаких указаний на то, где может располагаться швартовочная зона. Если так и будет продолжаться, им придется самим пробивать себе дорогу. - У тиранидов нет программы действий. Их мотивы чисты. Просто незамысловатый животный голод.

- Осторожно, брат. То, к чему ты ведешь - это ересь.

Открывается дверь. В комнату шеренгами входят гипасписты, безмолвно и бдительно выстраивающиеся по бокам от братьев.

- Как и все, во что мы верим. - Марк уверен, что под маской брат улыбается. - Ты ведь не трусишь сейчас, правда?

Возможности ответить не представляется. Раздвигается еще одна дверь, братья оборачиваются и видят, что Люпус загоняет в помещение фалангу боевых автоматов. Стражи-сциллаксы, все до единого. Марк невольно впечатлен. Кто бы мог подумать, что их экспедиции выделяют столь прославленную защиту? Заметив его внимание, машины останавливаются. Полу черепа покачиваются, проводя триангуляцию его местоположения, и его отражение повторяется во множестве стеклянных зеленых глаз.

- Магос настоял, - поясняет Люпус, сердито глядя на них. - Он считает это хорошей идеей.

Модуляция слов подразумевает обвинение, но Марк уходит от ответа при помощи полу-улыбки. Он поднимается на ноги и мягко подходит к машинному провидцу.

- И как мне видится, так и будет. Космический скиталец...

Фраза вьется, ускользая с языка. *Космический скиталец*. Марк так настойчиво запрещал использовать эти слова, но теперь они даются ему без труда, вырываясь из легких без осознанного решения. Однако Люпус никак это не комментирует, он занят сперва своими автоматами, а затем зрелищем, которое разворачивается за окном.

«Непента» медленно покрывается сетью пылающих жаром нитей. Линии настолько тонкие, что Марк мог бы их и не заметить, не светись они настолько ярко. На его глазах корабль расчленяет себя на части, расходясь по аксиальным точкам, которые понятны только его собственному алгоритму. Создаются двери, петли - объекты, типичные для флотской морфологии. На фронтальной части корабля открывается манящая внутрь шахта, зев которой усажен оранжевыми сигнальными огнями.

Точка входа в точности совпадает по размерам с их челноком.

- Доложите.

Искаженный помехами голос Велеса звучит выше, чем в жизни. Сциллакс, к шейным позвонкам которого подключено устройство магоса, издает раздраженный треск. Обитающий в нем машинный дух явно недоволен паразитом. Марк без жалоб выдерживает его взгляд, пока машинный провидец пытается успокоить автомата. Вокруг них царит тишина, нарушаемая лишь биометрическими показателями их шагов, отображающими общую массу, позиционирование и количество. Перед авангардом виднеется Корнелий, которому сумрак придает восковую бледность.

- Пока что ничего.

Марк был бы рад иметь в сопровождении одного или двух псайкеров - кого-то, способного предсказать засаду, или хотя бы пустоту. И все же, она должна существовать. Братья общались с ней годами.

- Насколько мы можем судить, вся эта посадочная секция... новая.

На самом деле она рождена настолько недавно, что конструкционные леса, которых касается Марк, еще теплые.

Туннель представляет собой концентрические круги, ограниченные ганглиями оголенной электроники, к которой не дает прикоснуться толстое стекло. Единственный вариант входа, единственный путь

выхода. «Бойня», – приходит Марку мысль, и он содрогается от собственной формулировки.

- Такое ощущение, что ее построили специально для нашей высадки, или как минимум модифицировали на основе морфометрики.

Климат экваториальный. Достаточно влажно, чтобы на автоматах образовывались стекающие капельки конденсата, которые так же падают и с сервиторов, неуклюже шагающих перед операторами. Воздух пригоден для дыхания, хотя и имеет слабый привкус выхлопных газов.

- Инфраструктура поразительна. Насколько я вижу, она полностью модульная. Не могу распознать задействованные здесь полимеры. Нам потребуется взять образцы. Жаль, что вы этого не видите, магос.

- Поверьте, генетор, меня полностью устраивает такое опосредованное восприятие.

Проход расширяется и переходит в открытое пространство, имеющее неожиданно коммерческий облик. Сервиторы высвечивают нерабочий фонтан, в центре которого, как предполагает Марк, раньше располагалась сцена. Конструкция в стиле рококо обильно пронизана проходами. С верхних уровней на тросах спускаются диагональные механические лестницы, в общей сложности шесть пролетов, а сверху помещение венчает купол-небосвод. Дисплеи преломляют идиллическое изображение ночного земного неба, на котором в ускоренном темпе чередуются космические феномены. Повсюду скрупулезно поддерживаемая чистота.

Вот только так быть не должно.

Непрактичный облик корабля, его явное предназначение для досуга – нормы эпохи, когда межзвездные странствия являлись объектом благоговения. Воздух должен был быть удушливым от пыли, в залах должен был стоять смрад утечек, ржавой воды и разлагающегося белка. Такой чистоты быть не должно. Марк снова обводит глазами место высадки, неуверенно что-то выискивая.

Вопреки всему, вопреки фактам и логике кажется, будто они вломились внутрь стоп-кадра, и в любой момент анимация снова заработает, в поле зрения замелькают тела, заиграет музыка...

- Вам следовало обратиться в бегство.

Марк дергается от звука голоса, который, как он запоздало понимает, передается стереоскопично, перескакивая между старомодными преобразователями. Созвучия обрезаны, верхние регистры полностью отсутствуют. Впрочем, сообщения это не нарушает. В углу срастается воедино гололитическая проекция: худой как проволока мужчина, сидящий верхом на кромке фонтана, подтянув колено к груди.

Марк с дрожью возбуждения осознает, что с кого бы ни срисовали образ, этот человек жил еще до Империиума. Его черты совершенно незнакомы.

Пока Марк таращит глаза на фигуру, та отчетливо улыбается и проводит пальцами по безупречно напомаженным волосам. К изумлению техножреца, кератиновые волокна реагируют, сопротивляясь в полном соответствии с физикой, и фигура вздыхает.

- Право же. Вам следовало обратиться в бегство.

- Оборонительное построение! – уже вопит Корнелий. Он более осторожен, более приземлен в практическом отношении. Гипасписты устремляются вперед, сервиторы движутся параллельным строем. Но уже слишком поздно.

Корабль вокруг них пробуждается.

Когда-то, в ту пору, когда он был слишком молод, чтобы представить себя стариком, Корнелий прижался носом к поверхности заляпанного стекла и наблюдал за ползущим по дну сосуда головоногим. Сперва оно было такого же грязного цвета, как и осадок на дне, но по мере продвижения резиноподобная плоть посинела и стала ярче. К тому моменту, как существо набросилось на добычу – умирающую рыбу, из которой сочились газы и нитки отходов – оно уже пылало, словно плазма.

Метахрозис. Это слово он узнал гораздо позже и вспомнил о нем только во мраке «Непенты».

Моргающие, колеблющиеся спирали огней вьются среди силуэтов тел, которые он должен был увидеть, должен был заметить давным-давно. Корнелий наводит оружие, стреляет, стреляет еще раз, а все вокруг него взрывается криками. Должно быть, маскировка включает в себя какую-то разновидность нейротоксина – специальный феромон, предназначенный для замедления кода памяти. Что-то в этом роде, что угодно. Как иначе он мог их пропустить?

Что-то массивное с визгом несется на Корнелия сквозь двуцветную светотень: темноту и красные вспышки энергетического оружия. Он оборачивается. По его оценке, их разделяет около двух метров, может меньше, может больше. Для точного определения дистанции нужен разум, который не пребывает в состоянии войны сам с собой.

Что фиксируется успешно: зияющая пасть, в которой хлюпают щупальца. Каждая псевдоподия покрыта зубами и испещрена крючками. Двуногий облик, слегка сгорбленное. Панцирь, который когда-то мог быть кожей, но теперь представляет собой щербатую шкуру. Что не удается сформировать: название.

Корнелий знает, что ему знакома фантазмагория, которая с воем приближается к нему с каждым ударом сердца. Какой-то удаленный вектор сознания содержит в себе название этого кошмара. Но он не способен произнести это вслух, даже когда лапы твари раскрываются крючьями. Уже шесть конечностей, семь. Последняя, вне всякого сомнения, и должна пронзить его, словно острога – рыбу.

Мозжечковая железа буквально кричит об отказе, а разум Корнелия сжимается, но нечто более древнее, базовый инстинкт, вырезанный прямо в костях, снова вскидывает оружие и стреляет, пока ячейка не пустеет.

Его артиллерия молчит.

Рука Корнелия безвольно опадает, оружие с лязгом летит на пол. Он неотрывно глядит перед собой. Тварь резко запрокидывает голову, под кольцом напрягшихся щупалец становится видна пасть головоногого, и при виде нее из легких Корнелия вырывается слово:

- Генокрад.

Один из гипаспистов перехватывает существо на ходу, сбивая генокрада в сторону и наземь. Оба падают. Мир окрашивается сверхъяркими мазками, перенасыщенные чувства сдерживаются криками и визгом раздираемого металла. Прежде чем Корнелий успевает восстановить равновесие, генокрад всаживает когти в грудь техностража и *тянет*.

Треск ребер. Из раны вываливаются внутренности, в которых едва можно узнать печень, кишечник, гланды и поджелудочную железу – генетическая оптимизация и аугметика, предназначенная для

упрощения строения. Воин не кричит, лишь бьется в конвульсиях, истекая кровью и маслом. Его тело обмякает. Генокрад приподнимает добычу, щупальца зарываются в изуродованную плоть.

- Генокрады, - повторяет Корнелий, тяжело ворочая языком. *«Нет, - думает он. - Неверно. Нет, не совсем. Почти».*

Наконец-то.

- Разновидность Имгарла. Омниссия их побери, я думал, они вымерли.

Боль не может обойти программу. Даже находясь на полпути к смерти, гипаспист продолжает свою службу. Он бьет генокрада ногами и проталкивает лазган в нужное положение, пока существо оплетает его лицо своими отростками. Теперь воин издает крик - тонкий, животный звук. Он стискивает пальцы и вгоняет лазерные заряды под мандибулы схватившей его твари. Снова и снова, пока череп кормящегося генокрада не раскалывается под напором.

Бледная творожистая ткань мозга, крутясь от выстрелов, брызгает на одеяния техножреца. Паралич Корнелия разом проходит, ужас сменяется инстинктом, который толкает его вверх и гонит вперед, прочь от произошедшего.

Корнелий впервые по-настоящему видит всю картину.

С момента их прибытия не могло пройти больше двадцати минут. Однако стены пропитаны влагой, а пол покрыт мозаикой из такого количества мяса, что Корнелий уже не в состоянии вспомнить, имела ли зона высадки какую-либо окраску. Корнелия изумляет, сколько же тут всего - каждый комок бездушных мышц пронизан проводами и разорванными трубками, как будто множество червей-паразитов выгнали из их обиталища.

Сервиторы продолжают гибнуть группами - они тугоумны и подчинены подпрограммам нахождения цели, которые попросту слишком медленно работают, чтобы быть эффективными против ксеносов. Впрочем, они по крайней мере выполняют свою функцию, отвлекая генокрадов от более умелой добычи: гипаспистов и сциллаксов, которые смыкают ряды позади своих однозадачных собратьев. Увы, на все тел не хватает.

- Генетор. Вы в опасности. Мы должны идти, - раздается неестественный голос из-под хромированной обшивки. Он обильно перемежается взвизгиваниями и щелчками - гортань отказывает, становясь бесполезной. Корнелий переключает внимание на гипасписта справа от себя. Киборг весь залит кровью.

- Генетор, вы не вооружены. Вы должны исправить ситуацию.

Не секрет, что войска Адептус Механикус подвергаются хирургическим операциям для подавления эмоций, но нагоняя шеренгу, Корнелий невольно задается вопросом, сколько же вырезано из теменной доли. Что требуется, чтобы животное умирало, но продолжало волочить ноги, не издавая ни единого всхлипа. Из гипасписта вываливаются серые жгуты внутренностей, лазган уперт в пустоту обнаженной брюшной полости, однако он не выказывает никакого неудобства, лишь невнятную бдительность.

- Генетор, вы не вооружены...

- Нам нужно найти моего брата.

Нужно найти ее. Эта вторая фраза складывается практически одновременно и с большим пылом, чем все запросы на поиск отсутствующего сородича Корнелия. С момента приближения он не слышал ее, ни

единой гармонии, которая успокоила бы его страхи, его горе от того, сколь неизмеримо он одинок: обладающий самосознанием пузырь нервной ткани, управляющий гниющим трупом.

Гипаспист делает ножницеобразное движение и, хрустнув костями, вытягивается, наклонив голову под углом двадцать семь градусов.

- Генетор Марк...

Прежде чем он успевает закончить, Корнелий слышит крик брата - убийственный звук, которому придает остроты резкий треск электричества. Он оборачивается и обнаруживает, что Марк и Люпус, по бокам окруженные автоматами, отступают из не замеченного им ранее коридора. А над ними, цепляясь за балюстрады и свернувшись в форме перевернутых капель, готовится к прыжку извивающаяся масса генокрадов.

«Непента»... *моргает.*

По сосудам корабля растекается голос - женский, слегка гнусавящий.

- Вы находитесь в защищенной пустой сфере, - произносит он без интонации. На поверхности «Непенты» вспыхивают светящиеся как магnezия белые точки, а странный голос льется из каждого динамика, из каждого фрагмента пространства на корабле эксплораторов. - Вы находитесь в защищенной пустой сфере. Уходите, иначе мы расценим ваше бездействие как проявление агрессии.

- Уходите, - сквозь монотонность что-то пробивается. - Или от вас не останется ничего, способного уйти.

- Марк! - крик Корнелия раздается как раз вовремя, чтобы брат успел отскочить в сторону, но Люпус приходит в движение на полсекунды позже, чем нужно.

Гидра механодендритов Люпуса поднимается навстречу спускающимся генокрадам. Серворуки покрыты острыми гребнями и щелкают в воздухе пастями, словно мурены. Однако усовершенствования машинного провидца *инструментальные*, предназначенные для тонкой работы, а не боевого применения. Они ломаются о шкуру, которая должна выдерживать и худшее. Двое генокрадов хватают Люпуса за плечи и тянут на себя, словно борющиеся за кость псы. Машинный провидец кричит, а третье существо склоняется над ним, оплетая изможденное лицо щупальцами.

Что-то ломается.

Треск.

Корнелий не тратит время на сострадание или страх, даже когда горло Люпуса растягивается и рвется, и сквозь кожу пробивается один из малых щупов генокрада - глянцево-красный кератиновый вырост. Ему известно, что будет дальше. Сциллаксы издают хоровой вопль, их начинку коротит из-за сбоя работы синапсов Люпуса. Его агонию невозможно выразить посредством синтаксиса, боль не перевести в связное руководство к действию. Единственный вариант - симфония криков бьющихся в судорогах машинных духов.

Пока они продолжают кричать, Марк рассекает надвое руку генокрада. Хлыст бьет по параболе так точно, что раздирает даже эту прочную плоть. Марк бежит к брату, а Корнелий в это время через ноосферу соединяется с интерфейсами сопровождающих. Они оба полуслепы, но в этом царстве проклятых на счету каждая мелочь.

- Беги, - тяжело дыша, выговаривает Марк. У него течет кровь из сотни ран, лицо расплосовано на ленты.

- Генеторы, держитесь позади меня, - нараспев произносит гипаспист Корнелия, шаркающей походкой выдвигаясь между братьями и генокрадами. Последние уже снова подбираются, между ними валяется расчлененный труп Люпуса, лишенный костей и разделанный на составляющие. И все так же ничего, никаких признаков голоса корабля, только этот мир смерти. Корнелий подстраивает макросы, чтобы выровнять прицел гипасписта, оптимизировать его рефлексы, сделать хоть что-то, лишь бы выиграть им время. Ничего, ничего, совсем ничего.

- Генетор Корнелий, рекомендую вам вооружиться.

Братья не спорят.

- Где Велес? Где наша поддержка? Предполагалось, что он будет руководить сервиторами, но мы тут *одни!* - вопрошает Марк, волоча брата мимо множества мертвецов. - У нас два варианта: вернуться на корабль или найти узел управления этим местом. Должен быть путь. Не может все кончиться вот так.

- Что-то отрезало коммуникации. Не знаю, когда это произошло, но весь корабль превратился в нуль-зону. Никакие сигналы не проходят ни внутрь, ни наружу. Должно быть, она не хочет, чтобы мы ушли. - Корнелий выдыхает и на мгновение его всего охватывает ужас от собственных выводов. Быть может, некоторые вещи клеймят как техноересь не просто так.

- Если вы ищете КИС, вам, вероятно, нужно двигаться быстрее. - Гололит, эта анахронистическая проекция, снова материализуется между бегущими среди резни техножрецами. Его ноги скользят по полу, будто по масляной пленке. - Они уже почти закончили с остальными вашими друзьями.

Электромагнитные системы вокруг нагревают воздух, создавая рисунки. Парейдолическая иллюзия придает искажениям форму. В любых иных обстоятельствах Корнелий бы с удовольствием проанализировал технологии, стоящие за этим образом.

- Запустить протоколы идентификации. Отчет.

- Я - МШК. Я - игрушка КИС. Я ее помощник. Я ее руки и ноги. Я ее хранитель. Я ее противоположность. Я - то, чем она не является.

Воспроизводится даже скорость ветра. Волосы голограммы шевелятся на ходу, флуоресцентные пряди хлещут, словно плети.

- Ее здесь нет, но есть я.

- Генеторы. - Общее приветствие разделено на два голоса. В поле зрения, шаркая, входят последние из гипаспистов. С их огнеметов капает горячая смесь. - Выход там.

Один из них указывает назад, на побоище, где разбросаны тела и стихают крики. Даже сциллаксов вскрыли и выдрали из них все задействованное внутри мясо. Их двигатели остывают и уже начинают излучать радиацию.

Путь к спасению представляет собой дыру в стене, слишком маленькую для толп людей, которые когда-то могли ходить по «Непенте». Возможно, вспомогательный вход, куда допускался только обслуживающий персонал. Нет оснований думать, что он выведет их на свободу. Или же к ней. Тоска поддевает Корнелия на свой крючок, тянет, и он уже открывает рот, чтобы возразить, как все они -

генокрады, техножрецы и суспензированная нервная ткань внутри черепов гипаспистов – слышат ее пение.

- Назовите себя! – рявкает Велес.

- Уходите, или от вас не останется ничего, способного уйти. – Голос доносится отовсюду, из каждого динамика, с каждого канала. С каждой угрозой он слышится все отчетливее, приобретая модуляции, прямолинейные эмоции. Сперва толика жалости, которая вскоре сменяется весельем и презрением. Напряжением нервного отворачивания – чего-то, вызревавшего многие годы.

- Уходите, или я...

«Наконец-то», – думает Велес. К бесконечным предупреждениям добавляется йота личности. Он почти что рад агрессии. Лучше это, чем тишина и бесчувственная темнота.

- ...позабочусь о том, чтобы от вас не осталось ничего, способного уйти.

- Мы повторяем. Назовите себя.

До сих пор ни слова от подчиненных, никакого намека на то, кто может делать эти заявления. Нет способа выяснить, что это: неуправляемый машинный дух, или же, как теоретизировали некоторые, псайкер, которому удалось обмануть смерть. Однако среди бездействующей команды поползли перешептывания о *ереси*. Велес понимает, что ему нечего возразить.

- «Непента», – шепчет она, и корабль озаряется, словно сверхновая. – Я то, что прекращает скорбь, поглощает печаль, утоляет боль.

- *Что* ты такое?

- Да, – к удивлению Велеса, в голосе слышно отчаяние. – В этом-то весь вопрос, не так ли?

- Марк, она зовет нас.

Он чувствует, как пальцы сжимают его рукав.

Хотя лицо Корнелия сейчас ферментируется в море бактерий, Марк все еще может представить его выражение: нетерпеливое изумление.

- Она здесь. Она пробудилась. Она *настоящая*.

Он не отвечает. Не сразу. Марк слишком заморожен глассандо ее голоса, ноты которого вливаются прямо в его нервную систему. Он может лишь существовать, пригвожденный к месту фактом ее реальности. Они ждали так долго. И все же некий предательский узелок в мозгу не желает поддаваться экстазу, вместо этого настойчиво твердя, что это не такое кощунство, как бунт против самосохранения.

Однако они зашли так далеко.

И что еще им остается?

- Марк.

- Я слышу ее, я слышу.

Он разжимает хватку брата на своем одеянии. Каждая клетка поглощена восторгом от ее приветствия. «Опьянение», - думает Марк. Он опьянен ее гармониями, и эта порция окситоцина каким-то образом быстро разворачивается в полномасштабную зависимость. Все что угодно, лишь бы она не умолкла вновь. Этого достаточно, чтобы Марк понял: он должен бежать. Но он не может, не станет этого делать.

- Пошли.

Они идут, их побег скрывает финальная кода сциллаксов, аккомпанирующая дульным вспышкам.

К отчужденному изумлению Марка, генокрады не следуют за ними. «*Но зачем им это?*» - шипит голос у него в голове. Братья сами, словно стадо, шли в кладовую для пищи.

Бойня.

Марк загоняет эту мысль вглубь.

Коридор все сужается, пока не остается ширины только на одного. Гипасписты возглавляют процессию. Следом за ними по-крабьи двигается Корнелий, причудливая математика его тела плохо приспособлена для тесного пространства. Марк идет последним. Освещения нет совсем, только излучение от боевых сопровождающих, бледное свечение за визорами гипаспистов. Пристегивая хлыст к поясу, Марк на миг задумывается, не соорудить ли какое-нибудь средство для создания настоящего освещения, но эту мысль подавляет детское суеверие: *если он их не видит, то, может быть, и они не смогут его увидеть.*

- Интересно, куда она нас ведет, - нарушает тишину Корнелий. Его голос сочится удовольствием, интенсивность которого практически непристойна, будто это беспричинное оповещение о любовных пристрастиях. Пальцы пощелкивают по стенам, словно неровный пульс. - Хотелось бы... Мне хотелось бы понять, что она говорила. Но так много помех... Хотелось бы... Хотелось бы...

Марк молчит. До него доходит, насколько ему нечего сказать. В особенности сейчас, когда у него нет ничего, кроме ранее зацепившего его грудь крючка. Нет даже порабощающего благозвучия ее голоса, ноты превратились в слабые помехи. Белый шум. Вера, белый шум и осознание, что идти можно только вперед. На каналах вокса слышатся шипение и щелчки, примечательные исключительно строгой отделенностью друг от друга. Это ничего не значит для Марка и значит все для Корнелия.

В этот миг Марк познает ненависть к собственному брату.

- Что она тебе говорит? - Как он ни старается, но не может убрать зависть из голоса.

Корнелий останавливается.

- Ничего. Ничего конкретного. Но должно быть, она знает, что мы здесь. Должно быть, она зовет нас. Иначе зачем ей... петь?

Слова снова не подчиняются ему, как не подчинялось тело, как не подчиняется и сейчас. Марк упирается основанием ладони в плечо брата и толкает его вперед. Они больше не разговаривают. Временами Корнелий стонет в темноте - *ближе, ближе, Марк, о, неужели ты ее не слышишь, она велит нам подойти ближе* - словно какой-то изнуряющий себя в пустыне пророк, но ни Марк, ни гипасписты не отвечают ему. Слышно только падение капель конденсата, да шаги вереницы их ног.

Мрак рассекает свет из трапециевидного проема, в котором кружатся частички пыли. Сквозь пустоту в

стене Марк слышит дыхание машин, звуки работы с мясом. Он набирает воздуха и задерживает дыхание во рту у неба, и в это время один из сопровождающих сгибает руку в перчатке, маня их вперед.

- Здесь, - бормочет брат. В его голосе слышно потрясение, вся витиеватость пропала, осталось лишь напряженное произношение звуков. - Она здесь. Она здесь. Она ждет нас. Марк, разве ты не слышишь ее? Разве не слышишь ее зов?

- Да, - тихо лжет он в ответ. - Да, я слышу.

Внутри они обнаруживают помещение, которое, возможно, ранее являлось медицинским отсеком, только перепрофилированным под специфическую задачу. Повсюду емкости, огромное количество машин, каждая из которых занята отдельным кошмаром. Вот система, выращивающая и организующая культуры бактерий. Вот стерилизационный бак. Вот чудо инженерной мысли, которое превращает грибки в мягкую массу и вываривает ее для употребления в качестве пищи.

А вот...

Марк неотрывно смотрит на пожелтевший скелет, подвешенный в центре комплекса, на поблескивающие лоскуты серой ткани, свисающие с расprostертых рук. *«Она была женщиной»*, - думает Марк, регистрируя изгиб тазовых костей трупа и искривленный позвоночник.

Похожие на клещей дроны ползают по растянутой коже, вырезая отмирающие клетки и собирая здоровые. Другие выстраивают из собранного схемы, помещают все внутрь стекла и складывают башни вдвое выше ошарашенных техножрецов. Каждый из последних уровней представляет собой сочащееся слизью созвездие мигающих огоньков в зловонной желто-зеленой лимфе.

Воздух содрогается, и вдруг перед ними уже стоит она. Как и в случае с МШК, присутствуют характерные фенотипические маркеры, в глазницах и линии подбородка нет следов этнического перекрестного опыления. В отличие от МШК, в ее облике видна порча: кожа слезла лоскутами, обнажив идущие под ней расчеты, от черепа исходит дымка причудливых переплетений виртуализированного белка. Ненормальность, *извращение*. И все же, несмотря на гротескный вид, она воплощает собой все их грезы.

Марк замедляет шаг и выбрасывает вперед руку, чтобы остановить Корнелия.

- Что ты такое?

Какой избитый вопрос. Значимость момента требует глубокомысленных слов, но Марк способен лишь на банальности, на заранее заготовленное любопытство, прописанное в коллективном бессознательном.

- Это она, - шепчет Корнелий, не обращаясь ни к кому.

- Я была... - ее взгляд начинает перемещаться скачками, словно калейдоскоп в замедленной съемке, и по темноте проходит судорога. Полумрак заполняют светящиеся глаза. *«Вот, - думает Марк, удивляясь собственной покорности, - Вот здесь мы умрем»*. Он это знает. Но он не против. Все, чего ему хочется - это еще немного поговорить с ней. Совсем чуть-чуть. - ...была-была псайкером, кажется. Кажется, так это называлось. Псссайкер. Да. Когда-то я была мясом, надеждой и вечными грезами.

Кипящий воздух вырывается из легких Марка.

На соседней стене возникает МШК:

- Он имеет в виду: «Что ты такое *сейчас?*»

- Я - «Непента». - Ее глаза лишены роговицы и склер. Вместо этого они окутаны таким ослепительным сиянием, что в них видится остаточный образ, отпечаток яростного взгляда.

«*Вот почему прошлое - ересь*», - затуманенно думает Марк, которого этот взгляд пронзает насквозь.

- Я ее защитница, ее-ее мать, ее страж. Я сохраняю ее экипаж в безопасности.

К Корнелию возвращается тень бывшего его, и он вмешивается:

- Все мертвы. На борту этого корабля нет ничего, кроме генокрадов и...

- На корабле шестнадцать сотен и сорок четыре живых существа, - безмятежно продолжает она, и единственное, о чем в силах думать Марк - как же ему хочется узнать ее имя. Ее, а не корабля - имя девушки, когда-то наделявшей жизнью стоящие в центре комнаты кости, и все еще живущей ныне.

- Я отслеживала их биотелеметрию. Я регулировала климат в соответствии с их потребностями. Я поддерживала оптимальные условия для их выживания в рамках доступных ресурсов.

- Это не твой экипаж, - Марк, пошатываясь, выходит вперед. В полусвете, источаемом главной системой, появляются щупальца, переливающееся множество ползущих лиловых тел, а затем невыразительные звериные глаза. Сколько их? Сколько их тут? Он не в силах высчитать количество, не хочет даже думать об этом. Точно так же он не может представить себе, каково должно быть находиться здесь, в одиночестве посреди пустоты, в окружении мертвых и голодных, в ловушке. - Они все мертвы. Или... или изменились. Эти твари - не люди. Твой...

- Не прикасайтесь к ней, - ощеривается МШК, вдруг приобретая высокое разрешение, трехмерность и практически отрываясь от стены. - Не прикасайтесь к ней. Если прикоснетесь к ней, я позабочусь, чтобы вы умирали вечно. Не прикасайтесь к ней. Почему вы вообще здесь?

- Она звала нас, - шепчет Корнелий. Их сопровождающие, наконец, оседают на пол. Из открытых ран вываливаются внутренности, с хлопанием образуя влажные кучи. - Она звала нас сюда. Леди, ради вас мы проделали столь долгий путь. Через пустоту и безмолвие, через бесконечность. Через голодную тьму.

- Не может быть, - шепчет КИС.

Шширхх. Что-то утаскивает тела прочь, волочет их в черноту.

- У нас есть записи. - Марк слышит скользящие звуки перистальтики. Гортань и трахея напрягаются, рвутся хрящи, затем *глотание* и почти что мелодичный вздох болезненного облегчения. Он не оборачивается. Не может. - Десятилетия записей. Мы документировали связь. Мы *говорили* с ней. Мы отслеживали ее.

- Ооо, - МШК громко смеется, и в этом внезапном звуке слышна горечь. Где-то не здесь она опять начала напевать свою колыбельную для чудовищ. - Ооо. Нет. Нет, все было совсем не так. Она не хочет вашего присутствия здесь. Никто не хочет вашего присутствия здесь.

Марк оцетинивается.

- Тогда почему она звала...

- Остаточное психическое воздействие. Им хотелось, чтобы что-то поддерживало покой экипажа, что-то более осязаемое, чем спокойный голос из интеркомов. Так что они подвергли псайкера вивисекции, нашли способ снова и снова клонировать ее ткани, соединив эту силу с их аппаратурой, - на лице МШК появляется застывшая ухмылка. - Это причиняет ей боль. Каждый раз.

Мир снаружи содрогается. Выстрелы, балет двигателей, сквозь переборку доносится гул движущихся частей. Марк не обращает ни на что внимания.

- Так вы...

- Вас никогда здесь не ждали. - Ее голос делается отчетливее, а изображение мигает и приобретает резкость. Аберрация - *«Я так и не спросил, как ее зовут»*, - снова думает Марк, и это странно мучает его - разворачивается к ним обоим, сложив руки и наклонив голову. - Вас *никогда* здесь не ждали. Вы не часть моего экипажа. Вам не место на «Непенте». Зачем вы пришли сюда?

Точно так же, как и они, Марк сломан, он может лишь повторять схемы поведения. Его руки безжизненно повисают. Все эти годы впустую. *«Бойня»*, - повторяет призрак его собственного голоса. Хуже всего то, что «Непента» их даже не преследовала. Они с Корнелием сами пришли сюда, прямоком под нож, чтобы положить головы на мясницкую колоду.

- Ты звала нас.

- Нет, - в ее глазах нет сочувствия, их свет продолжает ослеплять. Если уж на то пошло, он видит презрение в изгибе ее губ. - Нет, вас никогда здесь не ждали.

Горло Марка охватывают руки, пальцы нежно ложатся под подбородок. Вблизи от Корнелия пахнет маслом и обгорелым металлом, плоть под которым сочится плазмой. Пахнет потом и отчаянием. Марк выдыхает и расслабляется в душащей его хватке брата. Реальность отдаляется, остается лишь неопределенное чувство отвращения к самому себе. Да, так все и должно было кончиться, не правда ли? Они будут забыты, погребены во чреве корабля.

- Леди, я буду делать все, что вам потребуется, если вы позволите мне остаться. Позвольте остаться в вашей песне. Позвольте любить вас.

Образы переглядываются, живо и энергично.

- Почему бы и нет?

Щелчок.

Огни «Непенты» гаснут. Велес резко поднимает глаза от экрана, где прокручиваются панели - прогнозы, концептуализованные в виде меняющихся графиков и бесконечных расчетов.

- Что происходит? - рычит Велес.

На каждом экране без команды появляется видеопередача. Там Корнелий и Марк, окруженные ореолом крошечных огоньков. Их лица окровавлены, но они целы. Позади них Велес видит хромированные балюстрады и незнакомые конструкции, экраны и ряды когитаторов, целые акры причудливой

машинерии.

И тело, труп, скелет, висящий над огоньками, словно некий святой из неведомых краев.

Велес чувствует, как вопросы умирают у него в горле один за другим, поглощенные изумлением, страхом, страстью ученого. Братья были правы. И теперь «Непента» ждет, когда ее вскроют, выкачают из нее тайны, исследуют ее сердце. Его будут помнить вечно. Их будут помнить вечно. Их имена выжгут в анналах истории, и даже сам Омниссия поразится их находке.

- Разведка завершена, - докладывает Корнелий. - Здесь была небольшая популяция генокрадов, которую потребовалось уничтожить. Прочие проверяют безопасность оставшейся части корабля.

Марк склоняет голову.

- Магос, когда будете готовы. Поднимитесь на борт. Вам предстоит столько всего увидеть.

Примечания переводчика:

1. Непента (также непент, непенф) - в греческой мифологии трава забвения, лекарство от скорби.
2. В оригинале командные образы корабля обозначены как CAT и MAUS. Поскольку аббревиатуры никак не расшифрованы по тексту рассказа, игру слов можно передать лишь приблизительно.
3. В тексте достаточно часто встречаются крайне спорные употребления технических терминов. Складывается ощущение, что автор не вполне понимает их сам (к примеру, "телеметрия" в одном эпизоде употреблялась как "определение расстояния"), но посчитал нужным нагрузить текст про Адептус Механикус как можно большим количеством сложных слов.

Источник — [https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Непента / _Nepenthe_\(рассказ\)&oldid=12086](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Непента_-_Nepenthe_(рассказ)&oldid=12086)

Эта страница в последний раз была отредактирована 25 марта 2020 в 19:15.